

Гарри несколько секунд смотрел на пергаментный конверт, впитывая в себя знакомый почерк Люпина. Ремуса. Лунатика. Они стали взрослыми только под конец, Гарри и его отец были последними друзьями, но их дружба все равно была неловкой, нарушенной потерей Сириуса, напряжением войны и беспокойными отношениями Ремуса с Тонкс.

Гарри вздрогнул при этой мысли. Он очень надеялся, что его путешествие во времени не разрушило будущее существование его крестника. Он забыл, что Ремус и Тонкс не были знакомы друг с другом до реформации Ордена Феникса, по крайней мере, не были взрослыми. Гарри никогда не доводилось встречаться с Тедди Люпином лично, но радость, которую он увидел на лице Ремуса, когда тот приехал в коттедж Шелл, чтобы поделиться новостью о рождении ребенка, никогда не видела его таким счастливым. Он заслужил это счастье. Что, если решение Гарри лишило его этого будущего?

«Мистер Гарри Дж. Поттер», - прочитал Рон вслух, внезапно склонившись над его плечом. «Звучит официально. От кого это?»

Гарри подскочил, выйдя из задумчивости, затем покачал головой и бросил несколько кусочков бекона Букля, которая с упреком посмотрела на него.

«Я думаю, от друга моих родителей», - как можно более непринужденно ответил Рон. «Я написал ему на прошлой неделе, знаешь, после Зеркала?»

Рон издал сочувственный звук. «Ты собираешься прочитать его здесь?» - спросил он.

Гарри сглотнул, покачал головой и положил письмо на скамейку рядом с собой. «Нет. Я думаю, что подожду, пока мы не вернемся в общую комнату».

Рон пожал плечами, как бы говоря: «Как хочешь», и вернулся к еде. Даже в одиннадцать лет он все еще убирал больше еды, чем Гарри за один раз.

«Все в порядке, Букля», - сказал Гарри своей сове. «Я принесу тебе ещё одну позже, хорошо?»

Сова тихонько ухнула, затем снова взмахнула крыльями и вылетела из Большого зала.

Гарри быстро съел свой завтрак, почти не обращая внимания на вкус еды. Его мысли были полностью заняты письмом, лежащим рядом с ним. Он не знал, почему настоял на том, чтобы прочитать его в более уединенной обстановке: возможно, чтобы подольше оттянуть возможные последствия? Это был один из первых камешков в той лавине, которую он надеялся привести в движение, и первый, который серьезно затронет других людей. Что, если бы что-то пошло не так?

Он ругал себя за недостаток гриффиндорской храбрости всю дорогу до общежития. Только когда они вошли через портрет в башню, ему пришла в голову гораздо более веская причина

подождать с прочтением письма, и он с ужасом посмотрел на комок Коросты в кармане Рона. В последние несколько дней Гарри не слишком задумывался о крысе: слишком легко было забыть о ней и относиться к ней как к глупому домашнему животному, когда он знал, что это замаскированный предательский волшебник. Будет катастрофой, если Бродяга узнает, что он задумал.

Он подождал, пока Рон поднимется в дортуар, затем опустился в одно из мягких кресел у камина в общей комнате и перевернул письмо в руках. «Сейчас или никогда», - пробормотал он про себя и решительно открыл его.

«Дорогой мистер Поттер», - гласила первая строка письма.

«Я был очень приятно удивлен, получив ваше письмо сегодня утром. Вряд ли прошло достаточно времени, чтобы вы оказались в Хогвартсе; иногда кажется, что я сам был там студентом только вчера».

«Я действительно учился в Хогвартсе вместе с твоими родителями. Осенью 1971 года нас вместе распределили в Гриффиндор, и следующие семь лет я жил в одном общежитии с твоим отцом, Джеймсом. Он был очень ярким молодым человеком, очень храбрым и хорошим другом. Я познакомилась с твоей матерью только на шестом курсе, но с самого начала было ясно, что Лили - самая блестящая ведьма на нашем курсе. За время учебы в школе она заработала для Гриффиндора больше баллов, чем твой отец и я вместе взятые.

«Ваши профессора, несомненно, вспоминают о ней с такой же нежностью, как и я, но ждут, когда вы обратитесь к ним с первой просьбой. Вряд ли они захотят выделять вас на публике или усугублять ваше бремя, особенно на первом курсе. Вы можете попробовать обратиться к профессору МакГонагалл или профессору Флитвику в рабочее время за чашкой чая».

«Я также буду рад ответить на более конкретные вопросы, если вы захотите написать еще раз.

«Искренне, Римус Дж. Люпин.»

Гарри перечитал письмо во второй раз, затем положил его на колени и уставился в огонь, испытывая странное удушающее чувство, высасывающее энергию из его конечностей. Это было доброе, но... далекое письмо; письмо, написанное незнакомцу, тщательно сформулированное и скупое на эмоции. Он не знал, почему должен был ожидать чего-то другого; он должен был помнить, каким замкнутым был Ремус, когда он впервые встретил его. Потребовались годы - и Сириус, и Тонкс, и Тедди - чтобы полностью раскрыть глубоко чувствующего человека, скрывающегося за вежливым, защитным фасадом. Он был профессором Гарри целую вечность - целый семестр - прежде чем рассказал Гарри о том, что знал родителей Гарри, не говоря уже о том, что они с Джеймсом Поттером были близкими друзьями.

Гарри покачал головой. Он все еще думал как почти восемнадцатилетний, каким он себя помнил, а не как одиннадцатилетний, каким он был на самом деле, независимо от того,

сколько дополнительного опыта у него было в голове. Он не мог продолжать ожидать, что люди будут вести себя так же, как в другом конце времени; они никогда не оправдают его ожиданий, о которых он не мог знать.

И что бы он сделал с этим письмом, если бы не надеялся, что нынешний Римус Люпин продолжит начатое другим Римусом?

Гарри Поттер, одиннадцати лет (первоначальная модель), не знал о своих родителях почти ничего, кроме их имен, дома и того, что он видел в зеркале. Он даже не знал, как они звучат; он еще не видел, как их тени появляются на конце палочки Волан-де-Морта, а дементоры еще не подарили ему сомнительный дар их предсмертных слов. Хэри был бы вне себя от радости, услышав, как их настоящий друг называет Джеймса умным и храбрым, а его мать - гениальной ведьмой. Его бы совершенно не волновало то, что не сказал мистер Люпин.

Гарри тоже не стал бы переживать, решил он. Он может быть терпеливым. И... возможно, он последует совету своего бывшего профессора относительно других учителей. Он не подумал о том, как неловко было бы им обращаться к нему напрямую, особенно к такому строгому профессору, как МакГонагалл, которая на своих уроках относилась ко всем ученикам одинаково. И даже если ей нечего сказать о Джеймсе - он не мог себе представить, что она будет в восторге от идеи поощрять его пойти по стопам Мародеров, - она наверняка захочет поговорить о его матери.

Лучше сразу же написать Люпину и поблагодарить его за совет. Он не хотел, чтобы тот переживал из-за того, что Гарри не удосужился написать ему ответ. Может, он и не был очень конкретным, но и не сказал Гарри, чтобы тот проваливал, а Гарри был полон решимости превратить предложенный ему дюйм в милю. С этими мыслями он поднялся с удобного кресла, крепко сжимая в руке письмо.

Рон, видимо, спустился вниз, пока Гарри погрузился в раздумья: он сидел в кресле у окна, глядя на территорию, и поднял глаза, когда движение Гарри привлекло его внимание. «Всё в порядке, приятель?» - спросил он, кивнув в сторону письма.

«Да», - ответил Гарри. «Да, просто... вот, взгляни». В письме не было ничего особенно инкриминирующего, но Рону не мешало бы взглянуть на него, особенно теперь, когда с ним не было Коросты.

Рон с явным любопытством взял пергамент и быстро прочитал его. «Твоя мама немного похожа на Гермиону», - задумчиво сказал он, закончив. «Ты действительно собираешься поговорить с МакГонагалл?»

«Я, наверное, собираюсь», - сказал Гарри, а затем горько усмехнулся. «Я думаю, что сначала подожду и посмотрю, смогу ли я немного поднять свою оценку».

Рон хихикнул и вернул письмо обратно. «Значит, где-то на пятом курсе?»

Гарри фыркнул и сложил письмо обратно в конверт для сохранности. «Слушай, я сбегаю и быстро напишу ответ. Не хочешь снова отправиться на разведку, когда я закончу?»

«Конечно», - пожал плечами Рон. «Это лучше, чем ждать поезда».

<http://tl.rulate.ru/book/121429/5078323>